

Виктор Литовкин – «Не лезь на рожон»

Автор предлагаемого материала – известный военный обозреватель Виктор Литовкин. Один из экспертов и слушателей первого экспериментального набора курсов «Бастион», проходивших в мае 2006 г. Статья «Не лезь на рожон» была передана 1 июня 2006 года по каналам «РИА НОВОСТИ» в различные уголки нашей страны и за рубеж.

Виктор Литовкин

Не лезь на рожон

Опять погибли журналисты

Случилось это в Ираке, где взрыв фугаса отнял жизни у коллег из телекомпании CBS оператора Пола Дугласа и звукооператора Джеймса Бrolана. Руководитель съемочной группы корреспондент Кимберли Дозье доставлена в военный госпиталь в очень тяжелом состоянии. И хотя, как утверждают врачи, ее жизнь после проведенной операции вне опасности, состояние здоровья остается критическим.

Этот трагический инцидент – семьдесят первый с начала войны в этой стране. Семь десятков журналистов из многих стран мира погибли, были ранены и пропали без вести, стремясь выполнить свой профессиональный долг – рассказать и показать людям, что происходит в одном из самых горячих районов планеты – в

оккупированном коалиционными войсками постсаддамовском Ираке. Это больше, чем полегло журналистов в годы Второй мировой войны. Тогда с фронтов не вернулись 69 репортеров.

Впрочем, газетчики, телевизионщики и радиийщики, их коллеги из электронных СМИ гибнут не только в междуречье Тигра и Евфрата. Во время войны во Вьетнаме сложили голову 63 журналиста. В Северной Корее – 17. Только в 2005-м за свою профессию заплатили жизнью 47 работников СМИ. А за годы боевых действий и проведения антитеррористических операций на Северном Кавказе скорбный список убитых и раненных журналистов, побывавших в заложниках у террористов или пропавших без вести, пополнился еще тридцатью фамилиями. Самым последним в нем стал погибший в Назрани Тамерлан Казиханов, руководитель пресс-службы антитеррористического центра МВД России по Южному федеральному округу. Его отснятые на камеру сюжеты из зоны боевых действий очень часто демонстрировались на центральных телевизионных каналах.

Что можно и нужно сделать, чтобы защитить жизнь репортера, работающего в горячей точке? Кто за нее в ответе? Сам пишущий и снимающий или те органы и организации, под «крышей» которых он работает или на «территории» которых он работает? Другими словами: «спасение утопающих – дело рук самих утопающих» или «мы в ответе за тех, кого приручили»? Все это далеко не праздные и не риторические вопросы. Потому что за ними стоит чья-то вполне реальная жизнь, здоровье и профессия, а с другой стороны – репутация и ответственность тех государственных и частных структур, которые откомандировали репортера в экстремальную зону, и тех организаций и их руководителей, что приняли его, аккредитовали и предоставили ему возможность выполнения своих профессиональных обязанностей.

Долгое время, практически всегда эти две ипостаси – ответственность журналиста за свою жизнь и ответственность организации за его жизнь никак не совпадали. Газетчик, телевизионщик, радиийщик – стрингер или штатный сотрудник СМИ летел по зову сердца или по заданию редакции в зону боевых

действий, а там он, даже аккредитованный при соответствующей пресс-службе или штабе, получал только скудные, заполненные общими выражениями пресс-релизы и запреты ходить туда и сюда, не дергать по пустякам ответственных лиц. В результате вынужден был искать источники информации на стороне. Где и как – не важно. Главное, чтобы можно было что-то основательное и интересное передать в редакцию. Часто такая рискованная практика работы заканчивалась скандалами, а изредка и гибелью пишущего и снимающего.

Наладить отношения между журналистами и официальными структурами, помочь газетчику и телевизионщику сохранить свою жизнь в экстремальной обстановке решил Союз журналистов Москвы. Его Ассоциация военной прессы совместно с министерством обороны разработала концепцию межведомственной спецподготовки представителей информационных структур, работающих в экстремальных условиях. А концепция, которую поддержало Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, воплотилась в Учебно-практические курсы по подготовке журналистов для работы в горячих точках под названием «Бастион». Они включили в себя и тот опыт, который использует в своей работе Секретариат ОДКБ, который уже проводил подобные курсы.

Первые теоретические и практические занятия, круглые столы-тренинги «Бастион» провел не для студентов факультетов журналистики, сотрудников центральных и региональных российских и зарубежных СМИ, представителей пресс-служб и центров общественных связей различных силовых структур, а для, скажем так, репортеров-ветеранов горячих точек. Тех журналистов, кто не раз и не два побывал на войне – в Афганистане, Югославии, Ираке, Израиле, Палестине, в Абхазии, Приднестровье, Южной и Северной Осетии, в Дагестане и Чечне. Фамилии, думаю, называть не стоит. Люди, отслеживающие информацию из этих мест, их хорошо знают.

– Мы специально собрали на первые занятия не слушателей, а фактически экспертов, – сказал мне один из инициаторов этих

курсов президент Ассоциации военной прессы и одновременно сотрудник Управления информации Минобороны России полковник Геннадий Дзюба. – Хотим провести своеобразный мастер-класс, чтобы прокатать на них программу обучения, получить конкретные замечания от опытных коллег, что приемлемо – что нет, какие вопросы лишние, а какие не проработаны. Получить точные рекомендации, как надо действовать в той или иной ситуации, а потом выпустить учебные пособия, даже документальный фильм, разослать эти материалы по редакциям. Уверен, они помогут журналистам, работающим в горячих точках, быть адекватными обстановке, как можно лучше выполнить редакционное задание и, главное, сохранить свою жизнь и здоровье.

Должен сразу сказать, программа обучения разработана достаточно хорошо. Журналистам не пришлось брать в руки оружие, стрелять по мишеням и садиться за рычаги боевых машин, как об этом сообщили некоторые информационные агентства. Это никому даже не предлагалось. Хотя с тактико-техническими характеристиками автоматов, пулеметов и пистолетов разных стран, как и с изготовленными террористами минами-ловушками, боевыми инженерно-саперными заграждениями, с системами связи, с организацией боя в городе работников СМИ, безусловно, знакомили. А также с тактикой проведения поисково-спасательной операции и ликвидации последствий стихийных бедствий, с действиями правоохранительных органов во время уличных беспорядков, с правилами оказания первой медицинской помощи.

Сотрудники ФСБ, МЧС, МВД, Минобороны и других силовых структур, особенно офицеры учебного центра «Выстрел» Общевойсковой академии вооруженных сил, на базе которого проводились занятия, подготовились к ним очень серьезно. Пригласили людей, воевавших и знающих о работе военного журналиста не понаслышке, дали возможность поговорить, что называется, по душам, а заодно предоставить шанс пишущей и снимающей братии почувствовать, что такое «перемещаться от точки А к точке Б» в зоне активных боевых действий.

Правда, многие из «обучаемых», повторюсь, с этим были хорошо

знакомы. Тем не менее, мы выработали совместно и общие правила поведения репортера в зоне боевых действий и чрезвычайных ситуаций. Хотя, сделаю оговорку, не все эти правила безусловны. Объясню, почему.

Вот одно из них – не ходи сам, без сопровождения нигде. Полковник, Герой России, провоевавший в Чечне не один год, прокомментировал этот постулат так: «Я сам не ходил ночью по своим боевым позициям. Потому что хорошо знал своих «отъявленных мерзавцев», – они стреляли в это время во все, что шевелится». Есть неофициальная статистика. 40 процентов потерь на войне происходит от «дружеского огня», то есть от стрельбы по своим. Не нужно умножать эту цифрью. А для того надо следовать еще одному правилу: не лезь поперед батьки в пекло, не рвись в эпицентр событий. Еще один полковник, не Герой, но все же, пояснил это требование просто: «реши для себя главное, что важнее – получить пулитцеровскую премию за уникальный кадр или остаться живым и выполнить задание редакции». Объяснить офицеру, что для настоящего журналиста одновременно важно и то и другое, не получилось.

Правда, когда еще одного участника войны в Чечне спросили, видел ли он, как погибали журналисты, и что привело именно к этой гибели, тот ответил: «да, видел. Был убит репортер. Хотя и не наш». А случилось это в начале января 1995 года, когда шли бои за железнодорожный вокзал в Грозном. Спецназовцы захватили один из домов, уничтожив обороняющих его боевиков. Но подкрепление, что послали духам на поддержку, об этом не знало. Боевики шли через площадь во весь рост. Впереди вышагивал какой-то мужчина, одетый, как все, во все черное, такой же бородатый. К тому же, на груди у него болтался какой-то предмет, очень похожий в сумерках на короткоствольный автомат. Потом выяснилось, что это была видеокамера. Но сначала прозвучали выстрелы по головной группе и по нему тоже.

Отсюда вывод: журналист должен обозначить себя. На его каске и бронежилете должно быть крупно написано: ПРЕССА. Но опытные репортеры знают: такое обозначение – отнюдь не гарантия от

пули. Бывает, снайпер специально охотится на репортеров, как на «самую аппетитную цель». Это очень хороший повод показать – плохо охраняет их противоборствующая сторона: «даже этого она сделать не в состоянии, тем более выиграть бой и войну». К тому же, редко кто из отечественных журналистов, находящихся в горячей точке, имеет бронежилет и каску. Как правило, ими должна обеспечить своего сотрудника редакция, как и страховкой, спальником и элементарным набором продуктов, если человек, к примеру, экстренно отправляется в зону ликвидации стихийного бедствия, где его никто не ждет. Увы, этого в родных пенатах почти нигде нет. Никто из начальников, подписывающих командировку, никогда не скажет, чтобы ты лез в пекло, рисковал своей жизнью и здоровьем, но если ты не пришлешь или не передашь эксклюзив, напишешь или снимешь, как все, – уважения к себе не жди. Такова наша профессиональная жизнь. Тут уж, как повезет. Куда и как выведет тебя здравый смысл или здравый авантюризм. Хотя бывает ли авантюризм здоровым – это вопрос.

Конечно, пишущему журналисту, в отличие от телеоператора, совсем не обязательно лезть на линию огня, ему достаточно хотя бы издали, из безопасного места увидеть, что и как там происходит, – этой «картинки» хватит надолго. А потом, разыскав в ближнем тылу одного или нескольких интересных собеседников или других людей, обладающих «вкусной информацией», расспросить их обо всем, что он хочет. Даже услышать такие истории, о которых невозможно догадаться или чего не придумать. Получается это не всегда. В первую очередь потому, что по разным причинам не срабатывают профессионально именно те, кто должен свести репортера с такими людьми, обеспечить его массивом самой разнообразной информации и в таком объеме, да такого содержания, чтобы ему некогда и незачем было бегать под огнем, рисковать своей жизнью и здоровьем. Чтобы он мог передать в редакцию тот материал, который, не будем скрывать этого, «выгоден» принимающей его стороне. Я говорю о пресс-службе. Увы и ах, зачастую эта структура мало того, что работает крайне непрофессионально и

незаинтересованно, но и просто боится проявить какую-либо инициативу, лишней раз пробиться к тем или иным начальникам, помочь решить проблемы, которые возникают у журналистов, расположить их к себе и к своей организации, подсказать какую-то тему, навести на любопытного собеседника... Очень часто не хотят эти люди быть соавторами «забойных» репортажей и очерков, написать которые мечтает почти каждый нормальный журналист. А главное – нести ответственность за то, что напишет и снимет репортер. В первую очередь, перед собственным руководством. А отсюда и большинство ЧП, что случаются с нашим братом, вынужденным действовать по пословице: «волка ноги кормят».

Интересно, что большинство руководителей пресс-служб силовых структур на курсах «Бастион» почему-то не оказалось. Хотя прямой диалог между ними и журналистами, думаю я, был бы полезен обеим сторонам. Как, уверен, был бы полезен и специальный курс во всех военных училищах и академиях по обучению будущих и действующих офицеров общению с прессой, выпуск специальных памяток для солдат и сержантов, командиров взводов, рот, батальонов и полков. Какая, к примеру, существует в армии США. Первым пунктом там стоит: «не ври репортеру». Тоже, кстати, важное правило, которое стоило бы вызубрить многим чиновникам, как в погонах, так и без них.

Почему я об этом пишу? Зачем сугубо внутрицеховые проблемы выношу на суд общественности, которой, может быть, нет никакого дела до того, как и за счет чего добываются горячие новости на телевидении, радио, в газетах.

Как работают репортеры, кто и что им помогает и мешает. Почему нет согласованности на том или другом этапе подготовки информационного материала. И кто за это в ответе. Зрителю и читателю необходим только «информационный товар», а технология его создания – пусть остается за кулисами. Как и то, из чего все-таки печется хлеб, получается молоко. «Из какого сора растут стихи, не ведая стыда».

Все так. Но хочется, чтобы люди знали: те несколько строчек, что вы пробежали глазами в газете, те несколько кадров, что промелькнули перед вами на экране телевизора, нередко оплачены не рублями и долларами, а чьей-то жизнью. Единственной и неповторимой. Об этом тоже стоит помнить, как еще об одном правиле для журналиста: не лезь на рожон.

«Рожон», если заглянуть в словарь, это остро заточенный кол. Правда, я для себя, даже после окончания курса «Бастион», так и не решил, есть ли и у этого правила исключение. Лично для меня. Наверное, буду решать по обстоятельствам.

Мнение автора может не совпадать с позицией редакции